

22. Соколов А. В., Манкевич А. И. Информатика в перспективе (к вопросу о классификации видов информации в системе наук коммуникационного цикла // Науч.-техн. информ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. М., 1971. № 10. С. 5–9.
23. Софронова Л. А. Культура сквозь призму поэтики. М. : Яз. слав. культуры, 2006.
24. Флиер А. Я. Культурология для культурологов : учеб. пособие. М. : Согласие, 2010.
25. Эткинд А. Содом и Психея: очерки интеллект. истории Серебряного века. М.: ИЦ-Гарант, 1996.
26. Якимович А. Генрих Вельфлин и другие // Вельфлин Г. Ренессанс и барокко. СПб., 2004. С. 9–47.

И. В. Сохань

Гастрономические практики власти — прошлое и настоящее¹

УДК 130.2

В статье рассматриваются гастрономические практики власти, их архаические истоки и современные трансформации. Власть устанавливает гастрономический режим, который является инструментом эффективного управления. Голод и идеология всегда давали возможность управлять насильственным способом. Сытость, изобилие и связанная с ними идеология удовольствия являются способом мягкого дисциплинирования сегодня. Власть кардинально изменила свой гастрономический порядок.

Ключевые слова: гастрономическая культура, власть, пища, фастфуд.

I. V. Sokhan. Gastronomic practices of power — past and present

The article analyzes gastronomic practices of power and their archaic origins and modern transformations. Power sets gastronomic regime, which is an instrument of the effective management. Hunger and ideology always gave the opportunity to manage by the violent way. Satiety and abundance, and

© Сохань И. В., 2014

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 12-01-0001, выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг.

associated with this the ideology of pleasure are a way of soft disciplining today. Power changed its gastronomic order drastically.

Key words: gastronomic culture, power, food, fast food.

Специфика политической культуры, какие бы трансформации она ни претерпевала, кроется в ее архаических основаниях, более или менее определяющих ее современное состояние. Одним из таких оснований оказываются отношения власти и пищи, т. е. гастрономические практики власти, на первый взгляд, неочевидные и относящиеся к сугубо внутренней сфере, контексту повседневной жизни, они служат устойчивым маркером социально-политической иерархии и социально-политических отношений. Разговор о гастрономическом контексте властных отношений возможен в следующем направлении — прежде всего речь должна пойти о потестарных функциях пищи, и, в конечном счете, можно говорить о происходящем в настоящее время меняющемся характере власти, в связи с деконструкцией современных гастрономических практик. В исследованиях потестарных отношений раскрыта специфика запретов, которые маркируют власть, и, прежде всего, эти запреты связаны с пищей и сексуальностью, поскольку последние — первичные способы прямой реализации бессознательного, и, следовательно, контроль над ними представляет собой наилучший способ реализации власти¹. Если представлять базовые запреты в виде табу водоразделом, отделяющим сознательное от бессознательного, то власть стремится определять и табу, позволяя себе выходить за его пределы, но одновременно следить, чтобы это табу оставалось таковым для всех остальных².

¹ Что можно наблюдать и в современной массовой культуре — гастрономическая и сексуальная символика служат практически единственным гарантом успешной коммерциализации любого бренда — от марки товара до личности политика.

² С этим связано понятие *непристойного наслаждения* — т. е. того наслаждения, которое власть стремится обеспечить себе за рамками ограничений, действующих для большинства. Это существование в режиме доступа к наиболее непосредственной, не сублимируемой никакими культурными факторами, реализации бессознательного. И здесь можно наблюдать закономерность — стремление власти к практикам *непристойного наслаждения* прямо пропорционально жесткости идеологии и того мировоззренческого формата, который она создает. Поэтому, к примеру, президент и император небольшой Центральноафриканской республики Жан

Гастрономические практики власти, безусловно, напрямую связаны с потестарными истоками властных отношений, и, даже будучи достаточно трансформированными по сравнению со своими первичными архаическими кодами, они содержат в себе стремление власти установить свою значительность на самом что ни на есть телесном уровне бытия. Т. Кондратьева, автор исследования «Кормить и править», проанализировала гастрономические репрезентации власти в российской политической культуре, отметив, что и в ее современном варианте очень сильна потестарная подоплека, позволяющая утверждать, что в ней реализуется «домашняя» модель властных отношений, для которой как раз и характерен акцент на гастрономическом регулировании, которое фиксирует реализуемую иерархию. Дж. Рицтер, введший термин макдональдизации [6], распространяет специфическую формулу предельной рациональности, заложенную в быстрой пище типа фастфуд, и на другие формы общественных практик. Таким образом, с одной стороны, власть тоже становится макдональдизированной; а с другой стороны, в своих гастрономических предпочтениях она отступает от идеи изобилия, оставляя ее фастфуду, и, соответственно, массам, которые его потребляют. Сама же власть предпочитает новые формы и практики удовольствия, более утонченные и по-прежнему стремящиеся к удовлетворению иррационального — например, это новые диетические стратегии, связанные с осмыслением метафизических значений пищи, и возрождением утраченных в фастфуде гастрономических ритуалов, требующих дополнительных ресурсов (невозможных для еды эконом-класса) — времени, сложных форм гастрономического этикета, финансового обеспечения, особой технологичности приготовления, утонченности в выборе при сопровождении информирования. Также следует отметить, что и здесь власть маркирует себя как власть знающая, монополизирующая право на знание в отношении того, что и как она есть. Ведь в фастфуде осуществился разрыв между качеством пищи и знанием о ней, потребитель знает только то, что он ест чистую анонимность, некую *tabula rasa*, обеспечивающую культурную нейтральность, пусть это и так называемые пустые калории, но без возможных

Бедел Бокасса установление диктатуры и монополизацию власти сопровождал людоедством — масштаб осуществляемой им власти призвано было символизировать нарушение базового человеческого табу — на каннибализм.

загрязняющих значений.

Итак, власть всегда стремилась определить свое отличие посредством предпочтения той или иной пищи и сопутствующих ритуалов ее потребления — как правило, это выбор пищи, отличной от пищи остального большинства, и выбор сложных гастрономических ритуалов, сопровождающих прием такой пищи и определяющий ее статус. Поэтому гастрономический выбор власти — это не набор случайных ограничений и рекомендаций, а сформулированные достаточно жестко принципы ее телесной и символической репрезентации, которые, хотя и обусловлены конкретными социокультурными обстоятельствами, содержат в себе набор инвариантных для любого времени тенденций. Власти важно обозначить свое отличие¹, дающее ей право управлять, — если изобильная пища формирует такое же изобильное тело, то гастрономические практики элиты будут именно таковыми. Как правило, такая изобильность характерна для общества, живущего в скромном гастрономическом режиме, когда голод является реальной угрозой, и идеалы благополучия напрямую связаны с сытой жизнью. Когда в период так называемой революции быта в 1920-х гг. шли дискуссии о должном гастрономическом режиме нового советского человека, то, в духе наивного сциентизма, обосновывался рацион наркома — весьма калорийный, но соответствующий его организаторским задачам, ведь шли не просто социально-политические трансформации и культурные тектонические сдвиги, а осуществлялась невиданная доселе креация нового мира великой утопии. Поэтому нарком должен был питаться гораздо лучше шахтера², к примеру, не говоря о том, что безработный вообще

¹ Для потестарного сознания это может быть любая выраженная аномалия — от физического уродства до психической акцентуации; с точки зрения гастрономии это может быть право есть недоступную (в силу разнообразия причин) для большинства пищу. Поэтому, например, до сих пор ведутся дискуссии относительно сытости и изобильного питания партийной верхушки в блокадном Ленинграде. Следует предположить, что все-таки такое питание имело место быть в силу того, что, исторически, власть России всегда стремилась маркировать свой статус через гастрономическое отличие — и такая логика не должна была терпеть остановки или иметь препятствия в своей реализации.

² В духе все того же наивного сциентизма и абсолютизации роли научного познания в деле такой же абсолютной трансформации реальности, делалось предположение, что умственная деятельность, особенно связанная с грандиозным целеполаганием, требует громадного числа килокалорий,

должен был быть обречен на голодную смерть. Власть является высшим консументом¹ в социальной иерархии: она производит только самое себя, и уже в силу этого монополизирует право на потребление без всякого дополнительного продуцирования чего-либо. В то же время те консументы, которые могут быть одновременно и продуцентами, занимают промежуточные места в иерархии и потребляют сообразно своему статусу. Наконец, наибольшие продуценты — те, кто внизу социальной иерархии и обречен на низкоквалифицированный труд, являются консументами наименьшим образом. В общем-то, большевистский пафос «кто не работает, тот не ест», был уместен в плане преобразования подобной логики общественных взаимоотношений, другое дело, что он привел просто к изменению модальностей, но не к перемене существующего положения вещей².

Гастрономические отличия власти в качестве монопольного консумента содержат несколько важных инвариантных сюжетов. Вообще, отношения власти встроены в сам акт питания — тот, кто питается, несомненно, обладает большей онтологической ценностью,

получаемых с пищей и превосходящих потребности человека, пусть и занятого самым ударным физическим трудом. Таким образом, в это время началось становление гастрономического режима номенклатуры. Впрочем, эти традиции продолжены и сегодня: правящая элита по-прежнему тяготеет к избыточному гастрономическому режиму — теперь уже не в плане количества калорий, но в отношении сложности и изобилия гастрономических кодов.

¹ Консументы и продуценты — термины, введенные в работе «Архетипические истоки и институциональные стратегии трансформации социальных иерархий» А. Г. Некиты и С. А. Маленко. Они регистрируют биовитальные особенности существования индивидов в обществе — трофические связи, характерные для природы, проецируются на социум, и обнаруживаются, что они здесь действуют все в той же динамике — кто-то кем-то питается, кто-то занимает высшее положение в социальной пищевой цепи, кто-то низшее, что-то питается, а кто-то собой кормит другого. Как тут не вспомнить космиста Н. Ф. Федорова с его пафосом отказа от гетеротрофного питания и перехода на автотрофное, что само по себе должно послужить импульсом исчезновения иерархических и паразитарных, по своему существу, связей.

² Что выражается в разного рода гастрономической ритуалистике, связанной с благодарностью пище; также в архаическом представлении о том, что сотрапезники становятся «родственниками» через совместно съедаемую пищу; также характерная для примитивных культур верификация чужака связана с тем, насколько он съест/не съест предлагаемую пищу. То есть, при изначальной онтологической асимметрии акта питания можно говорить и о попытках ее символического исправления.

нежели тот, кем питаются, и кто/что является предметом поглощения. Онтологическая асимметрия является необходимой составляющей любого гастрономического акта, но включающего в себя еще и этические принципы — например, переживание благодарности тому, что съедается, как тому, что даровало жизнь. С этим связаны различного рода переживания касательно определяющего влияния на едока специфики съеданной пищи, которые постепенно трансформировались в идею власти: то, что поглощается, становится чистым ресурсом для жизни едока, таким образом акт пищи превратился в акт власти:

- с точки зрения онтологической асимметрии едока и пищи;
- с точки зрения контроля над ресурсами пищи, специфика режима доступа к которым определяет полномочия власти;
- с точки зрения ее самоопределения — дефинирование себя посредством установления своего гастрономического статуса;
- с точки зрения монопольного консумента — максимального апогея в своем полагании власть достигает, когда она только потребляет, точно так же, как статус подвластного абсолютен, если он всегда голоден¹.

Если говорить о базовых гастрономических предпочтениях власти, то они, конечно, желательны как переход границы базовых табу. В этом плане каннибализм был бы предпочтителен, т. к. это акт уничтожения другого в целях продления и расширения своих жизненных перспектив². Поэтому табу на каннибализм, определяющее для человеческой культуры, для некоторых форм потестарности оказалось необходимо нарушаемым, потому что именно в таком виде могло маркировать всесильную природу власти. Каннибализм есть нахождение в состоянии тождества: питание себе подобным; в этом смысле, когда человек ест человека, он поглощает его содержание в самом непосредственном виде. Преодоление же каннибализма выводит в ситуацию онтологической иерархии —

¹ Поэтому, появление пищи формата фаст фуд стало поистине революционным событием для власти — в ситуации, когда, наоборот, подвластные обречены не на голод, а на сытость, власть, тем не менее, утверждает себя, посредством, по сути, пищи-суррогата, симулятивного по отношению к традиционным базовым гастрономическим кодам.

² С этим, кстати, связаны бытовые риторики названия власти и продуцируемого ею типа политического режима — людоедским, как это звучало в отношении тоталитарных режимов.

человек питается тем, что имеет более низкий онтологический статус, т. е. природным сущим¹. Однако, следует предположить, что все практики оформления этого сущего для того, чтобы оно перешло в формат пищи, оказываются практиками достраивания до изначального онтологического равенства — это ведь не только и не столько собственно кулинария (от базовой обработки пищи огнем до национальных вариантов кухни), но и вся гастрономическая символизация и ритуалистика. Поэтому, как ни рассматривать каннибализм, он базируется на сохранении псевдоантропологического тождества, неразомкнутом круге универсального обмена друг другом, когда сфера свободы и культурного творчества остается недоступной и закрытой. Так, отсутствие табу удерживает культуру в замкнутом, закапсулированном виде — время циклично, каждая новая форма точно воспроизводит старую. Поэтому потестарная форма власти, преимущественно представленная как власть отца (власть прошлого и постоянства традиций, по А. Кожеву [2]), и допускала ритуальный каннибализм в качестве гастрономической поддержки своих полномочий. То есть, такая власть тяготела к питанию непосредственно человеческим содержанием, в то время как подчиненный ей народ прилагал собственные усилия по расширению гастрономического применения доступного ему природного сущего. Говоря о ритуальном каннибализме власти, мы имеем ввиду, что это исторически преодоленная потестарная функция пищи, тем не менее, в качестве символической характеристики власти она актуальна в повседневном дискурсе высказываний о власти и даже всплывает в теоретических построениях.

Например, русский философ-космист конца XIX в. Н. Федоров связывал гетеротрофное питание с реализацией властной иерархии. Моральный пафос теории философа на предмет автотрофного питания связан с объединением человечества, с преодолением властной иерархии, с возможностью выйти за рамки пищевой цепи, когда кто-то доминирующий питается кем-то подчиненным. Власть выступает вершиной социально-трофической пирамиды питания,

¹ Но если природное сущее изначально имеет более низкий по отношению к человеку онтологический статус, то приведение человека в состояние пищи для каннибалистически настроенного едока требует предварительно реализованного властного акта.

поэтому переход от гетеротрофного питания к автотрофному приведет и к отмене самой иерархической структуры. Более того, само состояние иерархии связывается со смертью, которая преодолевается в отказе от питания другими, и переходом на новый вид питания — питания собою. В контексте теории философа непосредственное усвоение космической энергии, а не в ее опосредованном варианте — как она усвоена разными видами природного существа, которые становятся пищей для человека. Еще Порфирий писал о том, что пища вовлекает человека в смертоносную эмпирию, в то время как уподобление божеству предполагает ненуждаемость в еде. Следовательно, иерархия неизбежна, и, следовательно, неизбежно и установление властных отношений.

Как минимальное зло, Порфирий воспринимал растительную пищу, в то время как мясо критиковалось как пища, возбуждающая пороки и излишества, которые ведут к растущим потребностям и вводят все человечество в состояние войны. Кроме того, мясная пища соответствует агрессивным страстям, побуждающим к экспансии, завоеваниям и доминированию — то есть тем страстям, которые благополучно сопровождают человека во власти. Мясная пища как выход за рамки положенного человеку гастрономического минимализма всегда рассматривалась также как пища, предпочитаемая властью. Более того: «...нормы поведения, связанные с распределением пищи, сформировались в результате перехода к поеданию мяса» [5, с. 34]. Ф. Бродель также говорит о специфической роли мясной пищи в качестве статусного продукта в некоторых восточных традиционных культурах: «Нужно быть очень большим баринном, чтобы получить на Суматре, притом на целый день, вареную или жареную курицу», отмечая, при этом, что Европа плотоядна и, возможно, именно плотоядность лежит в основе благоприятного гастрономического режима, интенсифицировавшего социально-экономическое развитие.

Стоит отметить, что одним из гастрономических символов советской власти является колбаса — по сути, консервированное мясо долгого хранения. Микояновский мясокомбинат как символ советской пищевой промышленности выпускал так называемую колбасу для народа и отдельно колбасу для власти. Как бы ни различались эти производства, но даже колбаса для народа осталась в коллективной гастрономической памяти символом советской власти и

ее способности контролировать то, что будет есть народ¹, а также символом изобилия и дефицита одновременно, не говоря уж о психоаналитических коннотациях, неизбежно вызываемых образом колбасы. Впору говорить о том, что бессознательные механизмы восприятия власти, характерные для русской ментальности, неизбежно представлены через горячее личностное восприятие власти, сопровождаемое чувствами любви, местами резко меняющей свой вектор на противоположный, т. е. ненависть².

Режим голода-изобилия, задаваемый природными циклами, которые трудно контролировать, формировал специфику гастрономических стратегий власти в качестве изобильных. Таким образом, если говорить о телесной репрезентации власти, то это, несомненно, тело изобилия, символизирующее и отменное питание, и внушительность так просто неустранимого присутствия в эмпирической реальности. Иначе говоря, это телесность, противоположная телу голода, так как голод символизирует подвластность природным циклам, которые, без должного противодействия им человека, легко могут лишить постоянного питания. А тело изобилия, тучное тело, является телом власти еще и потому, что репрезентирует идею сытости в условиях постоянной угрозы голода — власть существует несмотря ни на что, преодолевая условность наличных обстоятельств. Так, например, в исследованиях по потестарности приводится уже ставший классическим пример, как во время встречи государств антигитлеровской коалиции в Тегеране в 1943 г., У. Черчилль удивился крайней изобильности стола (встреча проходила на территории советского посольства). По представлению главы английского правительства, на фоне столь тяжелых событий такая гастрономическая роскошь недопустима и даже кощунственна. Реакция Сталина на слова У. Черчилля была предсказуемой — тиран счел, что английский премьер лжет, потому что сам не мог помыслить иной репрезентации власти, кроме именно роскоши и изобилия, полагающейся ее статусу вне всякой связи с тяжестью положения или

¹ Гастрономическая ностальгия по советскому то и дело реабилитирует память о ГОСТе, видя в этом, несомненно, проявление властной заботы.

²Наибольший апофеоз, конечно, возможен при тоталитарном режиме: «...Передо мной действительно открылся новый мир счастья, разума, и в этот новый мир привел меня великий Сталин.... Наш дорогой, наш родной отец Сталин! ... Ох, народушко, мой родной! Смотрите на наше солнце, на наше счастье!» (Цит. по [8, с. 93]).

судьбами народа. Это специфика российской политической культуры, которая получила название домашней модели политической культуры — в том числе и из-за многочисленности гастрономических практик, осуществляемых властью. Практики кормления, контроль над распределением продуктов, демонстрация гастрономического изобилия — все это в совокупности определяет стиль репрезентации власти, специфику управления и коммуницирования с народом.

Если потестарная функция пищи очевидна, то, по мере оформления властных институтов, она становится скрытой, но от этого не менее действенной. При этом меняется природа власти — в фуканском ключе, она становится гораздо более утонченной и реализует особые формы дисциплинирования. Телесность такой власти уже не свидетельствует об укорененности в эмпирическом мире, где она имеет доступ к изобильному питанию. Наоборот, такая власть метафизируется и становится по-настоящему продуктивной, а не репрессивной, влияя на человека достаточно позитивно — настолько, чтобы он стал ее проводником, а не оказывал сопротивления. И здесь обнаруживается, что власть, позиционирующая себя через изобилие и дисциплинирующая посредством голода, неэффективна, в то время как дисциплинирование посредством изобилия приносит свои результаты. Сегодня власть меняет гастрономические стратегии, оставаясь на позициях своего отличия от массы. При этом специфика российской политической культуры остается прежней — власть верна старым номенклатурным традициям, когда гастрономические излишества и деликатесы остаются маркером властного и элитарного потребления.

Итак, гастрономическая репрезентация власти связана с необходимостью установления отличия от народа, и тип власти может определяться интенсивностью такого намерения. Так, при демократическом режиме пищевые привычки власти и народа наиболее сближены; а при тоталитаризме, наоборот, власть наиболее проявляет свой каннибалистический характер, обнажая потестарный потенциал. В настоящее время, в эпоху изобилия индустриализированной еды и апофеоза достижений пищевой промышленности, голод перестал быть эффективной формой управления. Между тем П. Сорокин в своей ставшей классической работе «Голод как фактор» [7] пишет о многофакторной связи

этатизма и голода — если голод падает, принудительный этатизм ослабевает, и наоборот, этатизм усиливается при усилении голода, поэтому можно предположить, что голод выгоден для установления этатизма. Таким образом, преимущественный режим питания в обществе связан с характером власти и властных практик, в том числе и с идеологией¹, словно недостаток питания вызывает потребность в пище духовной — идеологического порядка, а поскольку ее поглощение связано с интроекцией², то наилучшим образом ее усвоение подготовлено голодом³.

В настоящее время можно говорить о том, что голод почти преодолен, прежде всего, из-за успехов пищевой индустрии, которая пищу научилась запасать, производить практически из чего угодно, предлагая широкое разнообразие вкусов для должной широты гастрономического опыта. Сбылись пророчества касательно того, что наступит эпоха мягкого властного дисциплинирования, когда потребность в голоде как его инструменте отпадет, наоборот, таким инструментом станет принудительная сытость, что и можно наблюдать. Власть и народ соединены механизмом анонимного кормления. Анонимность здесь заключается в отсутствии персонализированного представителя кормления и в характере предлагаемой пищи — с одной стороны, она так разнообразна и испещрена различными смысловыми значениями, как гласит вездесущая реклама; с другой — производимая в огромных количествах, потерявшая связь с природными циклами, предлагаемая в качестве готовой и полуготовой еды, она приобретает статус корма. Если идеология вкупе с голодом призывает к отказу от частной жизни во имя грандиозного целеполагания⁴, то, будучи сытым, человек

¹ Сам П. Сорокин довольно резко говорит о связи между степенью обеспеченности пищей и «подверженностью заразе коммунистической и антикоммунистической идеологии».

² Ф. Перлз вводит понятие интроекции (усвоение объекта целиком) и ассимиляции (усвоение объекта с предварительным разжевыванием), поясняя связь потребления внешних объектов — пищи и идеологической информации. Голод действительно приучает человека пищу интроецировать, а не тратить время на тщательную подготовку к поглощению.

³ В такой пище отсутствует часть кулинарного цикла, который воспроизводит повар, эта часть уже принадлежит тому, кто пищу произвел и ею кормит — следовательно, в такого рода еде усилен властный компонент.

⁴ «Понимаете, есть вещи поважнее нас с вами, конкретных людей», — говаривал И. Эренбург вернувшейся на родину М. Цветаевой.

озадачен лишь поддержкой наличествующего ритма удовольствия, который будет поддерживать с гораздо большей охотой и самоотдачей, вне необходимости быть подогреваемым постоянным идеологическим контентом. Сытый гораздо более полезен власти, нежели голодный, потому что, во-первых, предсказуем; во-вторых, находится на идеологическом самообслуживании, производя желания, которые принципиально удовлетворяемы, прежде всего желание быть сытым. А паттерны гастрономического потребления успешно пролонгируемы в остальные сферы жизни, что в свое время исследовал Ф. Перлз и что описал Дж. Ритцер в «Макдональдизации общества» [6]. Теперь власти, чтобы быть, нет нужды давить тяжелым эмпиризмом своих репрезентаций — это давно отчуждено в пользу обывателя. А власть вооружается альтернативными фастфуду гастрономическими стратегиями, стремясь к утонченному потреблению, отражающему воплощение метафизического иерархического порядка, как он может быть в гастрономическом распределении и перераспределении. Ведь если в своей принужденности в гетеротрофному стилю существования человек далек от идеала, то, в любом случае, эксперименты с субординацией и стратификацией еще не закончены. На уровне хорроров опасения по поводу изменения гетеротрофных стратегий выражены в буме визуализаций в массовом искусстве существ (вампиров и зомби), питающихся людьми — их кровью или плотью. Это может выглядеть попыткой придать форму и конкретизировать страх касательно того, что, несмотря на то, что ты сам сыт, — все равно ты являешься чьей-то пищей.

-
1. Lasswell H. D. Psychopatology and politics. Chicago, 1977.
 2. Кожев А. Понятие власти. М. : Праксис, 2006.
 3. Кондратьева Т. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.
 4. Некита А. Г. Архетипические истоки и институциональные стратегии трансформации социальных иерархий. Великий Новгород : Изд-во НГУ, 2009.
 5. Потестарность: генезис и эволюция. СПб. : МАЭ РАН, 1997.
 6. Ритцер Дж. Макдональдизация общества. М. : Праксис, 2011.
 7. Сорокин П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М. : Academia & LVS, 2003.
 8. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.